Ботики Петра I

В. С. Мешкунов,
член секции пропаганды Ленинградского
городского отделения общества

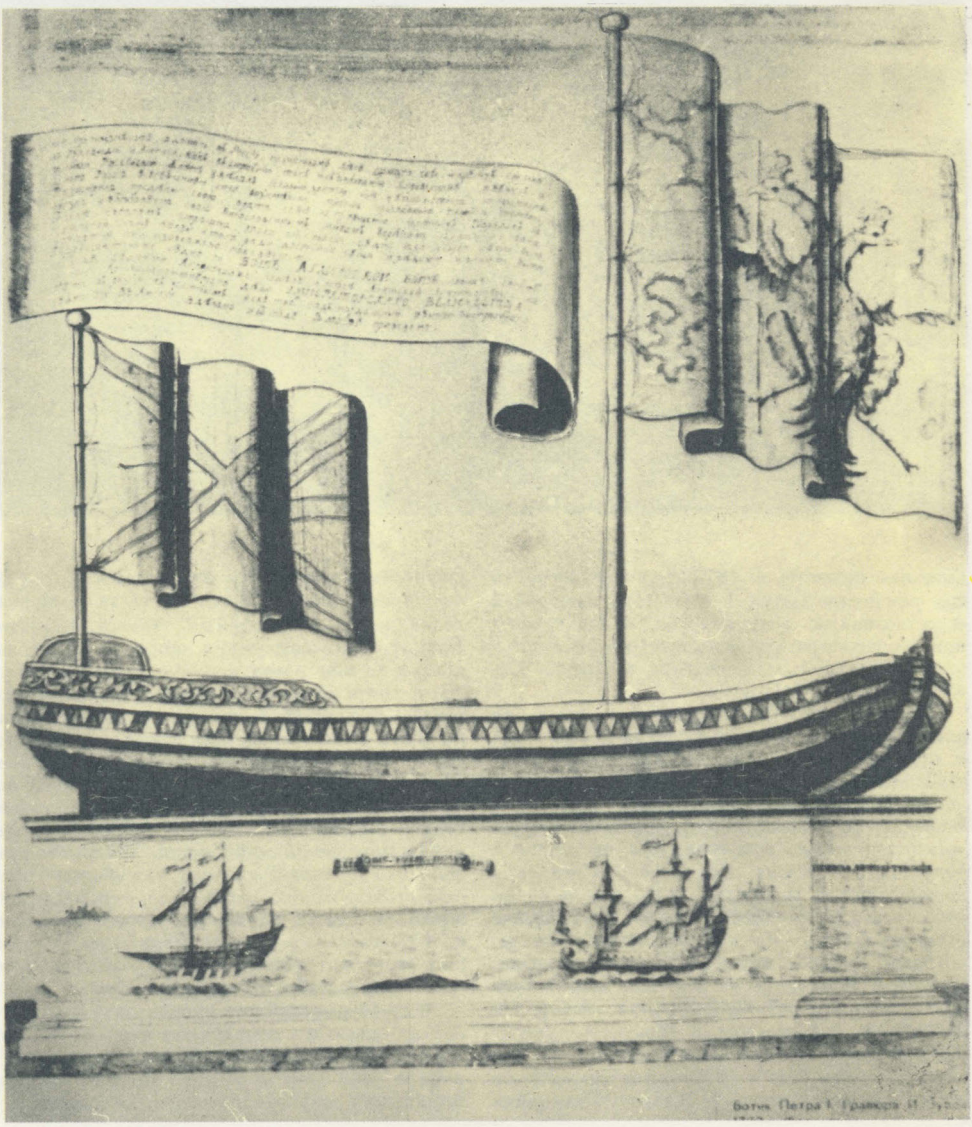
Готовясь отметить в 1872 году 200-летие со дня рождения Петра I, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете предложило к этой юбилейной дате открыть в Москве Политехническую выставку.

Комитет Политехнической выставки командировал в Петербург депутацию во главе с председателем Общества любителей естествознания, профессором минералогии и геологии Московского университета Григорием Ефимовичем Щуровским для решения ряда организационных вопросов, и в частности о будущих экспонатах для Морского отдела и перенесении из Петербурга в Москву на время работы выставки ботика Петра I «Дедушка русского флота». Именно того самого ботика, который в 1688 году был найден молодым Петром в Измайлове. О том, как царь нашел ботик, есть его собственноручная запись, вошедшая в предисловие к Морскому уставу 1720 года: «...и несколько времени спустя случилось нам быт в Ызмайлове где лежали останки вещей дому деда Микиты Ивановича Раманова междо которыми увидел я (бот) судно иностранное»[1]. Живший тогда в Москве голландской корабельный мастер Карштен Брандт по желанию царя исправил ботик, поставил на нем мачту и парус, спустил его на Яузу. Петр, восхищенный этим зрелищем, сам выучился править рулем и катался на ботике по Яузе. Затем ботик был перевезен на Просяной пруд в Измайлове, но размеры его не позволяли Петру полностью ощутить себя мореплавателем. Тогда он стал искать другие водные просторы и, узнав о глубоком и широком Плещеевом озере, решил построить там, недалеко от села Веськово, что вблизи Переславля-Залесского, верфь для строительства кораблей. Ботик, найденный царем, примерно до 1701 года находился в Измайлове, а затем был перевезен в Московский Кремль, где простоял под навесом почти забытым.

Однако дальнейшая судьба измайловского ботика оказалась неразрывно связанной с историей русского флота. Петр I, празднуя в январе 1722 года в Москве подписание Ништадтского мирного договора, вспомнил и о

своей находке в молодости. Царь решил воздать воинские почести ботику: он был поставлен на постамент-тумбу, разрисованную известным живописцем И. П. Зарудным. Так, на стороне тумбы, соответствующей корме, было нарисовано море, а над ним надпись: «Децкая утеха», а со стороны носа, также над морем, надпись: «Принесла мужески триумф». На одной стороне тумбы были изображены Ноев ковчег и над ним радуга, соединяющая два укрепленные приморские города. К ковчегу летит голубь с ветвью, и над ним надпись: «Сей вожделенный вестник». Глубоко символичны эти изображения. Так, два укрепленных города — это Петербург и Стокгольм, а радуга означала подписание Ништадтского мира. Изображение Ноева ковчега говорило современникам об окончании Северной войны — ее «потопе»[2]. На другой стороне были нарисованы корабль, идущий под парусами, и галера с веслами, а над ними надпись: «От бога сим токмо получен». Поставленный на тумбу ботик был выставлен на обозрение в центре Кремля. Перед ботиком проходили воинские соединения и праздничная процессия. Не менее 50 судов, сделанных из досок, были поставлены на полозья, снабжены мачтами, парусами, пушками и в назначенный день потянулись по улицам Москвы. Как пишет С. Рождественский в своей книге о Петре I, «одни из этих кораблей везли медведи, другие — собаки, третьи — свиньи»[3]. На одном из них находился сам Петр I, одетый в матросское платье. Рассказывая об этой церемонии, унтер-офицер Н. С. Кашин, служивший при Петре I, говорит, что при этом «была великая огненная потеха» и продолжалось торжество в Москве шесть дней[4].

Тумба, расписанная Зарудным, не сохранилась, но как она выглядела, какие были на ней рисунки и надписи, говорит нам сегодня гравюра Ивана Зубова, выполненная в 1722 году и состоящая из двух листов. На ней, кроме изображения ботика с тумбой, имеются дополнительные надписи, рассказывающие о значении ботика в истории образования русского флота; приводится вольный пересказ текста записки Петра о находке ботика. Есть на гравюре указание, что именно в 1722 году ботик был «первее народу выставлен и пре-



зентован того ради, понеже богоданным ныне миром плоды его паче известны и крепко утверждены стали и мир сей плодом его положно нарещися может»[5].

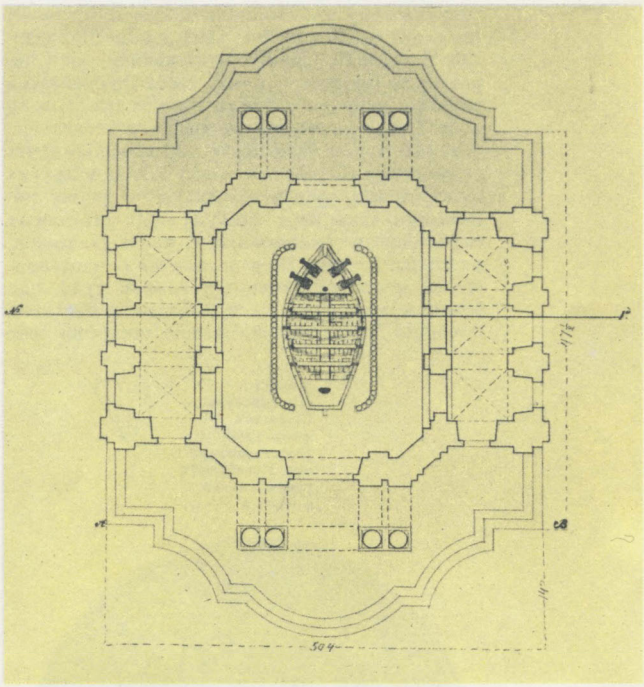
Затем Петр I принимает решение перевести ботик в Петербург. 11 августа 1723 года ботик принимал участие в смотре всего Балтийского флота. Именно тогда он стал называться дедушкой русского флота. Вот как об этом рассказывал Андрей Нартов, механик и токарного дела учитель Петра I: «Ботик был отправлен в Кронштадт, где от всего флота прибытие оного пальбою и другими морскими почестями поздравлено и в память величайших от сего ботика на море успехов торжествовано». Далее Нартов говорит, что Петр I по возвращении в гавань, выходя из ботика, сказал всем министрам и флотским адмиралам: «Смотрите, как дедушку (так назвал он ботик) внучата веселят и поздравляют!»[6] В том же году «Дедушка русского флота» принимал участие в празднования второй годовщины Ништадтского мира, а затем и третьей — в 1724 году. Тогда же, 2 сентября, Петр I объявил указ: «...ботик Августа в 30 числе для торжествования выводить вовсегодно на воду, и иметь при Александро-Невском монастыре»[7]. После смерти Петра I это празднество не проводилось, но возобновлено было лишь в 1744 и 1745 годах. Ботик же хранился в Петропавловской крепости под специальным навесом, а с 1767 года в небольшом павильоне архитектора А. Ф. Виста на территории крепости (Ботном домике).

В 1803 году, когда 16 мая отмечали столетие основания Петербурга, ботик был установлен на стоящий по середине реки Невы линейный корабль «Гавриил». Прошли годы, в 1836 году «Дедушка русского флота» вновь был показан Балтийскому флоту, состоящему тогда из 26 линейных кораблей, 21 фрегата, 10 бригов, 2 шхун, 2 люгеров, 2 яхт и одного тендора[8]. В этом смотре принимали участие фрегат «Паллада», совершивший кругосветное путешествие в 1852—1855 годах, описанное в известном романе И. А. Гончарова, и 44-пушечный парусный фрегат «Аврора», который отличится в боевых действиях в августе 1854 года при защите Петропавловска-на-Камчатке во время нападения англо-французской эскадры. Именно в честь этого корабля в мае 1900 года получил свое название крейсер, возвестивший в 1917 году начало новой эры. Ботик на буксире был доставлен из Петропавловской крепости в Кронштадт, где его подняли на военный пароход «Геркулес» и установили на возвышение. К нему был приставлен почетный караул. В соответствии с церемониалом пароход «Геркулес» с ботиком обошел все корабли, стоявшие на рейде в три ряда.

Такова была история ботика «Дедушка русского флота» ко времени организации Политехнической выставки в Москве. Морское ведомство положительно отнеслось к просьбам организаторов выставки. На выставке предусматривалось показать в чертежах, моделях и художественных картинах историческое развитие военно-морского и торгового флотов со времен Петра I.

Было принято решение и о перевозке ботика Петра I в Москву для показа на Политехнической выставке. В связи с этим он был осмотрен председателем кораблестроительного отделения Морского технического комитета Н. С. Дмитриевым. В результате осмотра оказалось, что «судно находится в весьма благонадежном состоянии» и в последний раз ботик был «капитально исправлен в 1836 году подполковником Амосовым»[9]. Проведены были подготовительные работы и в Москве: проверен весь путь будущего следования ботика по Москве-реке от устья р. Яузы до Кремля, специально углублен фарватер у Москворецкого моста в связи с мелководностью реки на этом участке.

Откликнулось на призыв Общества естествознания, антропологии и этнографии по участию в Политехнической выставке и владимирское дворянство. Оно обратилось в Министерство внутренних дел за разрешением показать на выставке Переславский ботик «Фортуна» и «другие, показанные в рисунках предметы, оставшиеся от первоначальной Петра I флотилии на Переславском озере [...] Как памятники возникновения русского флота»[10]. Переславская флотилия была создана в 1688—1692 годах. Царь несколько раз посещал Переславское (Плещеево) озеро, где наблюдал за строительством флотилии, участво-



Ботик Петра I «Дедушка русского флота». Гравюра И. Зубова. 1722 г.

План Ботного дома с хранившимся в нем ботиком Петра I. Чертеж 1843 г.

вал в плавании флотилии вдоль озера, а в августе 1692 года провел маневры по совместному действию армии и флота. Позднее корабли Переславской флотилии были сосредоточены в Переславле-Залесском на левом берегу Трубежа и, «едва прикрытые ветхими сараями, гнили и разрушались»[11]. Только в 1722 году по пути в Персию Петр I заехал в Переславль, где увидел свою флотилию в печальном, полуразрушенном состоянии. Тогда он, именным указом от 7 февраля, отдает распоряжение переславским воеводам: «Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите: то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ»[12]. Это был один из первых законов об охране памятников истории воинской славы в России. В настоящее время этот указ в подлиннике хранится в Переславском музее[13].

Прошли годы, но указ царя не исполнялся: в 1783 году в результате пожара в Переславле-Залесском сгорели и остатки петровской флотилии, кроме бота «Фортуна», находившегося в селе Веськово. По дедовским рассказам жители окрестных сел знали, что когда-то на берегу Трубежа в сараях стояли корабли. Помнил народ и место, где был дворец Петра, разрушенный помещиками, владевшими селом Веськово более ста лет. Подаренное Елизаветой Петровной ротмистру Будакову, село переходило из рук в руки, даже продавалось вместе с дворцом с публичного торга. Только в 1803 году на месте, где когда-то стоял Петровский дворец, было построено каменное двухэтажное здание для хранения ботика и других остатков петровской флотилии, а также помещение «для двух заслуженных отставных мореходцев с семействами»[14], наблюдавших за их сохранностью. Но в начале 40-х годов прошлого столетия вновь сгустились тучи над ботиком «Фортуна». Владелец села Веськово помещик Емельянов не только построил себе деревянный дом со службами в 12 саженях от здания, где помещался ботик, но и «возымел желание снести здание вместе с ботиком, как находящееся на его земле»[15]. По инициативе губернского предводителя дворянства С. Н. Богданова в 1846 году село Веськово было выкуплено у Емельянова за 27 тысяч рублей серебром[16]. В 1852 году, рядом с помещением, где хранится ботик, был открыт памятник Петру I — гранитный обелиск работы художника А. С. Кампиони. На одной из сторон памятника был высечен текст петровского указа.

...Рассмотрев предложение владимирского дворянства о показе ботика «Фортуна» на Политехнической выставке, правительство одобрило эту инициативу и дало соответствующее разрешение[17]. Однако посланный в Переславль-Залесский представитель Морского отдела Политехнической выставки штабс-капитан А. К. Боярский нашел ботик «настолько ветхим», что не представлялось никакой возможности перевоза его в Москву. Об этом был на месте составлен акт, при этом было отмечено, что «перенесение ботика на выставку может повлечь за собой окончательное его разрушение»[18].

Так и не удалось встретиться двум историческим ботикам Петра I на Политехнической выставке.

А для транспортирования ботика «Дедушка русского флота» из Петербурга в Москву на выставку был разработан соответствующий церемониал.

...28 мая 1872 года. Петербург. Длинный праздничный ряд судов расставлен по Неве. Здание Сената, Адмиралтейство, а также здания на противоположном берегу на Васильевском острове украшены флагами. В 12 часов дня раздался артиллерийский выстрел, и от Адмиралтейства на паровом катере члены Адмиралтейств-Совета отправились в Петропавловскую крепость. В Центральном государственном архиве ВМФ СССР сохранился любопытный документ — рапорт Адмиралтейств-Совета Александру II о том, как от коменданта Петропавловской крепости генерала Корсакова был принят «ботик Петра Великого для торжественного перевоза его в здание Политехнической выставки в Москве». По этому случаю и коменданту крепости была выдана и соответствующая расписка с подписями членов Адмиралтейств-Совета[19]. В 12 часов 30 минут ботик вынесли из крепости и поставили на баржу. Торжественная процессия направилась вниз по Неве к пристани, устроенной против памятника Петру I на Петропавловской площади (ныне пл. Декабристов). На середине Невы на ботике подняли штандарт, раздался салют с крепости и военных судов, стоявших на Неве, в ответ ботик салютовал тремя выстрелами. На Петровской площади были выставлены части сухопутных войск, морских экипажей и морского училища. Здесь же находились представители городской власти и депутаты от комитета Политехнической выставки, в числе которых были профессора русской истории Сергей Михайлович Соловьев и Нил Александрович Попов. После молебствия была провозглашена вечная память Петру I и произведен салют в 101 выстрел. Затем процессия направилась вниз по реке до Горного института, подошла к Черной речке (ныне Екатерингофский канал), а затем по ней до

Медаль Императорского Общества любителей естествознания при Московском университете в память

так называемой Путиловской пристани. От пристани матросы Гвардейского экипажа пронесли ботик через эллинг к платформе, обшитой красным сукном и стоящей на железнодорожной ветке. Сам эллинг внутри был украшен цветами и зеленью, здесь же размещалась портретная галерея сподвижников Петра I. На правой стороне эллинга был установлен бюст Петра I. Ботик торжественно передали капитану I ранга А. Б. Асланбекову, члену выставочного комитета, участнику Севастопольской обороны, и установили на железнодорожной платформе. У «обновленного, расцвеченного и позолоченного «Дедушки русского флота»,— писал газетный хроникер,— стояли на часах два юных депутата морского училища, гренадер золотой роты в меховой шапке и два солдата в одежде петровских солдат»[20]. Наконец платформу с ботиком присоединили к паровозу, который «при кликах тысяч рабочих завода Путилова и присутствующей публики,— писал обозреватель «Кронштадтского вестника»,— отправился на Петербургскую станцию Московской железной дороги»[21]. В тот же день платформа с ботиком специальным поездом была отправлена в Москву.

Не менее торжественно был встречен ботик в Москве, куда он прибыл 29 мая в 11 часов 45 минут вечера на Курский вокзал. При появлении поезда зажглись бенгальские огни, почетные караулы отдали честь, а военный оркестр заиграл Преображенский марш. Утром платформа с ботиком тронулась к Москве-реке, ее везли по конно-железному пути 40 человек рабочих, одетых в синие и белые рубахи — цвета русского военно-морского флага. У спуска к реке матросы сняли ботик с платформы, на руках отнесли на пристань и спустили на воду. В этот момент раздался артиллерийский салют в 31 выстрел. На ботике был поднят на мачте штандарт, на носу — гюйс, а на корме — военно-морской флаг. Ко времени прибытия ботика к Морскому павильону, расположенному на набережной реки Москвы у стен Кремля, собралось более 100 тысяч человек. Наконец показался небольшой вельбот, а за ним на буксире следовал ботик, сопровождаемый вереницей судов. Под звуки Преображенского марша ботик подняли по специально устроенному спуску, внесли и установили в центре павильона Морского отдела. Торжественность момента подчеркнул новый артиллерийский салют. Так ботик, найденный Петром I в Измайлове, через 150 лет вновь появился в Москве и стал самым популярным экспонатом не только Морского отдела, но и всей выставки.

В Морском отделе ботик Петра I окружали напоминания о славных делах его потомков. По стенам и вокруг арок средней части павильона было установлено 27 щитов, украшенных лавровыми венками. На них значились крупнейшие победы русского флота: Гангутская битва, сражение у Очакова, Чесменская победа, первое кругосветное путешествие 1803 года, Синопский бой и др. Здесь же демонстрировались модели военных и торговых судов, знаменитых в истории отечественного флота.

На специальном щите были разложены личные вещи Петра I: морской кортик, топорик, адмиралтейское кресло, карманные часы, палаш, захваченный Петром I у шведов при сражении со шнявой «Астрильд», и др. В средней части павильона были размещены портреты прославленных деятелей в истории русского флота Ф. Я. Лефорта, Ф. А. Головина, Ф. М. Апраксина, М. М. Голицына, А. Д. Меншикова, Г. А. Спиридонова. А. Г. Орлова-Чесменского, С. К. Грейга, Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, П. С. Нахимова и других флотоводцев. Здесь же установлены модели памятников А. С. Грейгу и М. П. Лазареву.

После закрытия выставки в отношении павильона Морского отдела было принято решение «оставить железное здание на год и более на настоящем месте» в качестве хранилища экспонатов, принадлежавших впервые устраиваемому в России Политехническому музею[22].

Демонстрация ботика Петра I на Политехнической выставке вызвала полемику среди историков того времени по вопросу его происхождения. К 1872 году существовало две версии: по одной — ботик построен в России голландскими мастерами, по другой — изготовлен в Англии и появился в России в качестве подарка. Впервые история находки ботика в Измайлове в 1688 году стала известной только в 1720 году, когда Петр I сам рассказал об этом событии в предисловии к Морскому уставу. Из текста записки видно, что ботик был починен голландцем Карштеном Брандтом, который, как пишет Петр I, «был призван при отце моем в кампании морских людей для делания морских судов на Каспийском море»[23]. После смерти Петра I появились различные описания его жизни и деятельности, в которых использовалась и петровская записка о находке ботика. Вольный пересказ или неточный перевод ее с русского языка привели к возникновению различных версий происхождения измайловского ботика. Так,

Политехнической выставки 1872 г. в Москве (наградная). Серебро, диам. 61,9 мм. Собств. автора

еще в 1772 году Дмитрий Феодози в своей истории Петра I, изданной впервые на славянском языке в Венеции, писал, что Петр нашел в Измайлове старый ботик, «коего еще его Родитель (имеется в виду Алексей Михайлович.— *В. М.*) дал через холландцев построити, и кои с того времени лежал тамо в неупотреблении»[24].

В 1778 году известный русский историк, академик Г. Ф. Миллер выдвинул версию, по которой ботик был построен Карштеном Брандтом во время царствования Алексея Михайловича[25]. Немецкий путешественник В. Кокс в книге, изданной в 1785 году, рассказывая о том, как он осматривал в Петропавловской крепости ботик Петра I, между прочим привел версию Миллера о происхождении этого ботика[26]. В свою очередь голландский писатель Я. Схелтема в книге «Россия и Нидерланды», изданной в Амстердаме в 1817—1819 годах, написал, что строителем ботика был Карштен Брандт, ссылаясь при этом на Кокса[27]. Эта же версия была использована и французским просветителем В. Вольтером в его труде «История царствования императора Петра Великого», изданном в России в 1810 году[28].

В 1833 году в Петербурге издается в переводе с немецкого «История Петра Великого» Вениамина Бергмана, который в свою очередь также повторяет версию Миллера[29]. Таким образом, к 1830—1840 годам утверждается версия изготовления измайловского ботика голландцем К. Брандтом. Это нашло отражение и в поэтическом наследии А. С. Пушкина. В 1835 году поэт написал стихотворение «Пир Петра Первого», в котором есть такие строки:

...Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот.

В 1843 году миллеровскую версию повторил Н. Полевой в «Истории Петра Великого»[30], а русский географ П. П. Семенов-Тян-Шанский использовал ее при составлении им Географическо-статистического словаря Российской империи[31]. К этому времени существовали и другие версии отечественного происхождения ботика: так, в переведенной на русский язык и изданной типографией Н. Новикова в 1788 году книге Антония Катифора «Житие Петра Великого» утверждалось, что ботик «Дедушка русского фота» построен в... Переславле-Залесском[32]. Не менее неожиданным являлось утверждение И. И. Георги, автора описания Петербурга, изданного в 1794 году, что «царь Алексей Михайлович построил сие судно в 1668 году в Москве для прогулки по Волге и назвал его Орлом»[33].

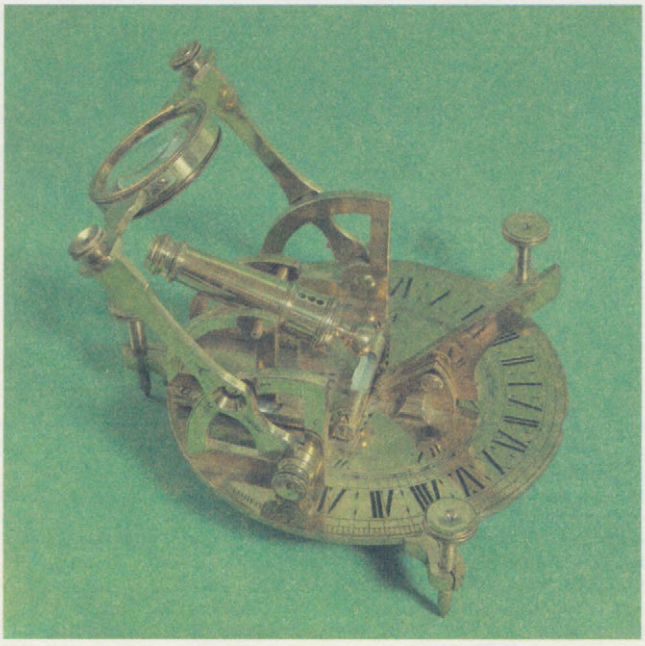
Зубовская гравюра 1722 года породила другую версию: так называемое английское происхождение ботика. Дело в том, что на гравюре в свитке выгравирован текст вольного пересказа предисловия Петра к Морскому уставу с добавлением: «Нарицается же судно сие Бот Аглинский. Бот по виду своему между судами, аглинский же по делу и мере аглинской архитектуры: на желание бо вышеупомянутого деда Императорского Величества мужа в России, к честным искусствам, над тогдашный обычай, быстроохотного, судно сие в Англии сделано, и оттуда в Москву привезено»[34]. Из этого текста следует, что ботик был выписан из Англии по просьбе боярина Никиты Ивановича Романова, двоюродного брата царя Михаила Федоровича, деда Петра I. Но уже упомянутый Якоб Схелтема в своей книге приводит мнение, что ботик был подарен англичанами еще царю Ивану Васильевичу. Однако это предположение уже тогда ставилось под сомнение: «Как могли англичане послать в подарок такой предмет, употребление которого в России не было известно; каков был труд перевести из Архангельска в Москву, и сколько этому боту было лет?»[35].

В 1836 году в связи с повторением торжественного шествия ботика Петра I перед Балтийским флотом в петербургских газетах писалось, что «ботик был построен в Англии для боярина Н. И. Романова, служил впоследствии царю Алексею Михайловичу для прогулок по воде и найден был Петром I в Измайлове»[36]. Несколько измененную версию английского происхождения ботика приводит А. Висковатов в своем труде, посвященном истории ботика «Дедушка русского флота», изданном в 1847 году. Он пишет: «Бот был привезен англичанами в Архангельск: оттуда доставлен в Москву, царю Алексею Михайловичу, а от него, по всей вероятности, перешел к его дяде боярину Романову, страстно любившему европейское просвещение»[37].

Известный русский историк Сергей Михайлович Соловьев, в изданном впервые в 1863 году 14-м томе своего обширного труда «История России с древнейших времен», пишет только о том, как Петр I нашел ботик в Измайлове и починил его «голландец Карштейн-Бранд, который при царе Алексее был вызван для простройки кораблей в Дединове»[38]. Авторитет С. М. Соловьева положил на время конец различным предположениям о происхождении ботика, тем более что в основном документе — записке Петра — нет ни слова о происхождении ботика.

Однако в 1872 году вновь заговорили об истории ботика. Так, В. Ф. Головачев, русский военно-морской историк, в статье «Морской отдел Политехнической выставки» утверждал, что ботик был «заложен в селе Дединове при впадении Москвы-реки в Оку по голландскому чертежу и выстроен нашими плотниками под руководством голландских мастеров». Затем он был перевезен в Москву, но перед ледоходом вытащен на сушу и с того времени больше не плавал. Автор статьи делает это предположение на том основании, что Петр I нашел ботик «хотя и в ветхом состоянии, но еще в целости»[39]. Статья В. Ф. Головачева вызвала полемику с историком русского флота Ф. Ф. Веселаго, опубликовавшего по этому поводу статью в «Кронштадтском вестнике» в 1873 году. В ней он доказывал английское происхождение ботика [40]. Более подробно Ф. Ф. Веселаго остановился на обосновании этой версии в своем фундаментальном труде «Сведения о ботике «Дедушка русского флота» за 200 лет с 1688 по 1888 год», опубликованном в 1888 году. Основным доказательством историк считал упомянутую гравюру Зубова. При этом он опирался на тот факт, что тексты надписей для тумбы, на которой ботик был установлен в Москве, были «сочинены самим государем». Следовательно, делает вывод Ф. Ф. Веселаго, и надписи на

Неизвестный художник. Битва при Гангуте

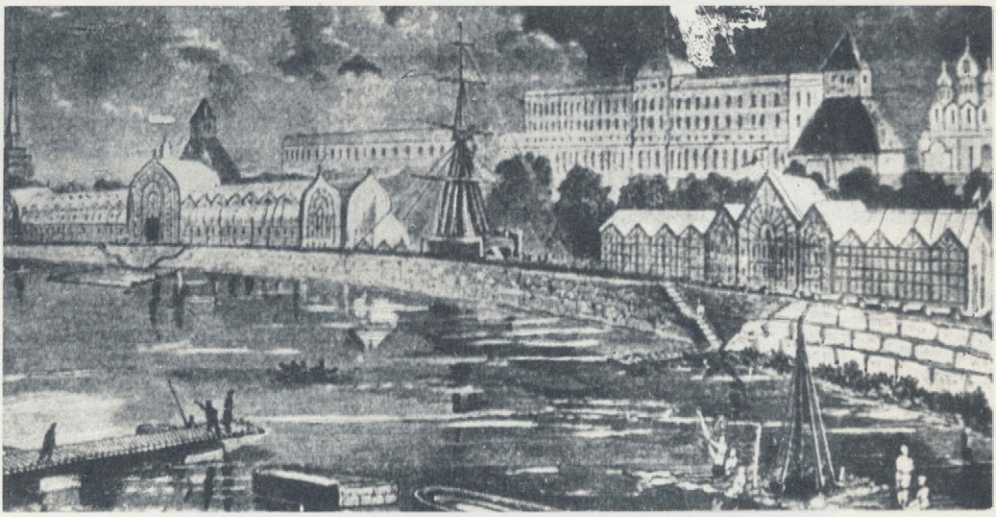


Солнечные часы. XIX в.

гравюре Зубова не могли быть сделаны без согласия царя[41]. Затем страсти вокруг происхождения несколько улеглись. В 1890 году Л. Лебедев выпустил книгу «Жизнь Петра Великого, составлено по Устрялову, Соловьеву, Костомарову, Брикнеру и др.» В ней составитель пересказывает только текст петровской записки, не выделяя при этом никаких версий происхождения ботика[42]. Однако в Энциклопедическом словаре, изданном в 1891 году, было написано, что ботик был привезен в подарок царю Алексею Михайловичу, а четырехугольная тумба, раскрашенная Иваном Зарудным, использовалась в качестве постамента для ботика в Петербурге[43]. Здесь мы видим и неточности: ботик на тумбе был установлен в Москве. В 1903 году к 200-летию со дня основания Петербурга была опубликована брошюра под названием «Ботик Петра Великого «Дедушка русского флота». В ней также рассказывается о двух версиях происхождения ботика[44].

Необходимо отметить, что в конце прошлого века появились две публикации, которые не были замечены исследователями истории ботика Петра I. Речь идет о «Рассказах А. К. Нартова о Петре Великом». Современник Петра, выдающийся механик и машиностроитель, собирал повествования о Петре I, его речи, которые Нартов слышал или лично от царя, или из достоверных источников. Рассказы Нартова в извлечениях были опубликованы в журнале «Сын Отечества» в 1818 году, затем частями в 1842 году в «Москвитянине» и только в 1891 году Л. Н. Майков издал полностью нартовские рассказы. А. К. Нартов подробно рассказывает о показе ботика Балтийскому флоту в 1723 году и приводит версию отечественного происхождения ботика, считая его «голландцами при царе Петре Алексеевиче построенным»[45]. Вторая публикация касалась дипломатической переписки французского посла в России Кампредона во времена Петра I. В 1885 году в сборнике Русского исторического общества были полностью опубликованы письма Кампредона на французском и русском языках. В одном из них он выдвигает английскую версию происхождения ботика, называя его «Святым Николаем». Но в начале нашего века ко всем этим версиям стали относиться скептически. «Всем известна история, приукрашенная и соответственно преувеличенная, о старом английском ботике, найденном среди хлама в селе Измайлове, принадлежащем дяде Петра I, Н. И. Романову»,— пишет К. Валишевский в своей книге «Петр Великий. По новым документам», изданной в 1909 году. Далее он пишет: «Нет еще никаких данных для объяснения присутствия этой лодки в соседней с Москвою деревне, на суше среди ровных полей»[46].

После Октябрьской революции, в 1926 году академик С. Ф. Платонов в своей книге «Петр Великий. Личность и деятельность» говорил только о факте находки ботика в Измайлове и о том, что его починил Карштен Брандт[47]. Но в 1976 году известный исследователь истории русского флота А. Л. Ларионов вновь обращается к этой проблеме. В своей статье «Ботик Петра I», опубликованной в журнале «Судостроение СССР», он возвращается к версии английского происхождения ботика и в подтверждение использует известные письма Кампредона, ссылаясь на труд Е. В. Тарле «Русский флот и внешняя политика Петра I»[48]. Процитируем часть письма от 3 июня 1723 года, касающуюся истории самого ботика: «80 лет тому назад дед его царского величества выписал из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно, или, лучше сказать, модель воен-



Открытие Политехнической выставки в Москве в 1872 г.

ного судна размерами очень маленькой шлюпки, которую он назвал «Святой Николай», довольно грубой постройки, согласно обычаям того времени. Можно предполагать, что намерение царя Михаила Федоровича заключалось в том, чтобы выстроить несколько судов по этой модели. Но исполнение этого было предназначено ныне царствующему монарху, который в своей юности, прослышав о судне «Святой Николай», сохранившемся в арсенале, пожелал его видеть. Найдя его почти вовсе объеденным червями, он велел обить его снаружи медью. Как только он получил свободу действовать по своей воле, он велел выстроить большое судно на Переславском озере». Здесь прежде всего бросается в глаза фраза о том, что Петр I «прослышал о судне», да еще «сохранившемся в арсенале». Это противоречит известному факту случайности находки Петром I ботика в Измайлово, которое не было арсеналом. Кроме того, в письме речь идет о Михаиле Федоровиче, среди вещей которого и нашелся ботик. Правда, дальше в своем письме Кампредон информирует короля Франции о своей беседе с царем, который показал послу «лично особенности конструкции этого судна которые (Кампредон.— *В. М.*) имел честь изложить»[49]. К сожалению, далее в письме Кампредона никаких подробностей нет. В то же время в письмах за 1722 год, опубликованных в том же сборнике, нет ни слова о показе ботика в Москве, где находился в этот период сам Кампредон. Таким образом, письмо Кампредона может служить только в качестве иллюстрации торжественнго шествия в 1723 году ботика из Шлиссельбурга в Петербург, но не объяснения или подтверждения версии английского происхождения ботика.

С другой стороны, по мнению А. Л. Ларионова, измайловский ботик не мог быть сделан в России, так как бот, изготовленный в Дединове, «следовал вместе с «Орлом» в Астрахань, где его, вероятно, постигла участь «Орла»[50]. Имеется в виду сожжение кораблей Разиным. Действительно, «корабль, яхта, две шняки и бот» после постройки в 1667—1668 годах в с. Дединове позднее были направлены в Астрахань, что подтверждают архивные материалы, собранные Археологической комиссией. В этих же документах есть и подтверждение участия в строительстве судов «товарища корабельного пушкаря Бранда», которому за работы было выдано «11 рублев»[51]. Однако, как пишет Ю. Тушин в Военно-историческом журнале, «ни в каких русских источниках, ни в сообщениях иностранцев — участников событий в Астрахани нет упоминания о сожжении «Орла». Более того, автор приводит документальные подтверждения тому, что «Орел» и другие суда дединовской постройки простояли в течение многих лет в волжской протоке Кутуме, недалеко от Астрахани[52]. Действительно, в дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией в 1862 году, можно прочесть: «В прошлых годах... прислан с верху в Астрахань корабль да полукорабелье и стоят в Кутумове реке; а в котором году и с кем имяны (они) в Астрахань присланы... того в приказной палате не сыскано, потому что в смутное время от воровских казаков приказные палаты писма все изодраны». В соответствии с указом царя Федора Алексеевича был осуществлен осмотр остатков флотилии, который показал: «Корабль ветхий, дно и бока сгнило, в хот не годица...» Затем остатки были разбиты на «всякого делового двора расходы»[53].

Известно, что после смерти Н. И. Романова в 1654 году его имение перешло к царю Алексею Михайловичу как ближайшему родственнику по мужской линии. По указанию царя думной дьяк Александр Иванов составил опись всему, что было на дворе Никиты Ивановича[54]. Можно было предположить, что в «Росписи всяким вещам, деньгам и запасам, что остались по смерти боярина Никиты Ивановича Романова» мы найдем и ботик. Однако в ней нет упоминания не только о ботике, но и ни о каком-либо другом судне, способном плавать по воде[55]. Все это дает возможность предположить, что ботик мог появиться в Измайлове и после смерти Н. И. Романова. Здесь мы вступаем в сферу предположений и догадок. К сожалению, до настоящего времени нет документальных подтверждений тому, как ботик попал в Измайлово, был ли в употреблении до этого. Более того, нет письменных свидетельств очевидцев, присутствовавших при находке Петром I ботика в Измайлове. Сам Петр I писал об этих событиях спустя более 30 лет, поэтому можно предположить, что и в его рассказе не все соответствует истине.

Следовательно, вопрос о происхождении измайловского ботика остается открытым и ждет дальнейших исследований.

Празднование 200-летия со дня рождения Петра I не ограничилось организацией Политехнической выставки в Москве и проведением юбилейных мероприятий в Петербурге. В ЦГИА СССР (Ленинград) в фонде МВД России имеется «Доклад о торжественном праздновании 30 мая 1872 года в различных местностях России». В нем, в частности, говорится, что в «Новую Ладогу в день 30 мая привезен был хранящийся в селении Дубно в 24 верстах от города ботик, который, по преданию, принадлежал Петру I»[56]. Заметка в «Русских ведомостях» дает представление о том, как происходило это торжество. В 9 часов утра ботик Петра I привезли из села Дубно по каналу на барже в Новую Ладогу, где он был встречен городскими властями при почетном карауле. Простояв в шлюзах канала и являясь центром праздненства, 31 мая ботик увезли обратно в село Дубно[57]. Уже тогда возникли различные предположения о происхождении этого ботика. Было высказано мнение, что он являлся одним из кораблей, построенных на верфи в Переславль-Залесском. При этом утверждалось, что по устроенной Петром I вышневолоцкой водной системе он доплыл от Переславля до Новой Ладоги[58]. Возможно, что этот ботик был построен или выбран в Петербурге, так как в деле адмирала Крюйса, хранящегося в ЦГА ВМФ СССР, имеется запись от 30 мая 1724 года, подтверждающая снаряжение и отправку «в Ладогу двух ботов с полубоми»[59]. Есть свидетельство, что в 1841 году ботик хранился в небольшом деревянном домике, на фронтоне которого была надпись: «Здесь безсмертный славы знак». Бот имел меньшие размеры, чем ботик «Дедушка русского флота», и был оснащен «тягой с бичевою» для плавания по мелководному каналу[60].

Как же выглядел этот ботик? Он был с мачтой, оснащенной парусами, при нем нахо-

дился руль с «железным румполом», на носу и на корме по флагу. Верхняя часть судна была выкрашена черной краской, карнизный пояс — зеленой, а остальная часть, выше смолы,— красной. Дом, в котором хранился бот, был деревянным на плитном фундаменте, внутри он был окрашен белой краской, крыша — зеленой, а стены — «дикой». На наружной стене домика висела доска, на которой золотом было написано, что на этом ботике Петр I по «окончании фашинной работы» прошел по каналу. Интересна последняя часть надписи: «...ботик тянули нарочно выбранные малолетние мальчики в матросском нестрядинном платье». На одной из стен внутри домика висели две железные лопатки с деревянными черенками, над которыми была установлена доска с надписью: «Лопатки, которыми... Петр Великий... своими руками сей канал копать начал, и на сем же ботике от г. Ладоги до сего места первый раз... проезд имел»[61]. Было это в сентябре 1724 года. Прошли годы. Русский путешественник А. Слезскинский в своих путевых заметках, опубликованных в 1896 году, писал, что «на самом берегу Невы, близ пароходной пристани» в Новой Ладоге стоят, как памятники, два судна, на которых Петр I и Александр II открывали обводные каналы. «Тут же,— далее пишет А. Слезскинский,— стоит лопата, которой Петр I разрывал перемычку готовой части канала от Ладоги до 13 версты», а также хранится знамя батальона Ладожского канала, учрежденного в 1735 году и расформированного в 1810 году. Ботик и катер находились в железных павильонах, стены которых состояли из проволочных сеток[62]. Этот ботик сохранялся в Новой Ладоге до 1930-х годов, дальнейшая судьба его неизвестна. Так Политехническая выставка 1872 года привлекла внимание к судьбе ботиков Петра I, имеющих историческое значение. Измайловский ботик является родоначальником отечественного военно-морского флота. С переславским ботиком «Фортуна» неразрывно связана вся деятельность Петра I по судостроению. Новоладожский ботик являлся памятником русской гидротехники. Ботики, каждый в отдельности, заслуживают специальных исторических исследований, а вместе характеризуют целую эпоху в истории русского военно-морского флота.

[1] Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике «Дедушка русского флота» за 200 лет с 1688 по 1888 гг. Спб., 1888 г. Приложение: Снимок с собственноручной записки Государя Петра Великого о находке ботика и первых плаваниях Его Величества.
Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Спб., 1858. Т. 2. Приложение № 1. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России. Предисл. к Морскому регламенту. Ст. С. 399.

[2] Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... С. 25

[3] Рождественский С. О Петре Великом. Изд. учрежденной Министерством нар. просвещения постоянной комиссии народных чтений. Спб., 1872. С. 45.

[4] Поступки и забавы Императора Петра Великого: (Запись современника — унтер-офицера Н. С. Кашина, служившего при Петре I). Сообщ. В. В. Майкова. Спб., 1895. С. 18.

[5] Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... (Копия гравюры И. Зубова и тексты к ней). С. 25—26.

[6] Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом// Приложение к 67-му тому Записок Имп. академии наук, 16. Спб., 1891.

[7] Полн. собр. законов Российской империи. Т. VII (1723—1727). Спб., 1830. С. 345.

[8] Спб. ведомости. 1836. № 152. 8 июля.

[9] ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 3157, с. 104, 138—139, 141.

[10] ЦГИА (Л), ф. 1284, оп. 241, д. 37, с. 18—19.

[11] Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Спб., 1852. Т. 2. С. 145—146.

[12] Полн. собр. законов Российской империи. Т. VI (1720—1722). Спб., 1830. С. 510.

[13] Иванов К, Пуришев И. Переславль-Залесский: Путеводитель по городу и окрестностям. Ярославль. 1986. С. 137.

[14] Тихонравов К. Н. Переславский ботик Петра Великого. М., 1872. С. 25// ЦГА ВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 23, с. 2, 3.

[15] Русские ведомости. № 124. 1872.

[16] Владимирские губ. ведомости. 1872. № 31. 4 авг.

[17] ЦГИА (Л), ф. 1284, оп. 241, ед. хр. 37, л. 18—19.

[18] ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, д. 3282, с. 107.
ЦГИА (Л), ф. 1284, оп. 241, ед. хр. 37, л. 97.

[19] ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, ед. хр. 3195, с. 223.

[20] Русский мир. 1872. № 138. 30 мая.

[21] Кронштадтский вестник. 1872. № 62. 30 мая (11 июня).

[22] ЦГА ВМФ СССР, ф. 410, оп. 2, ед. хр. 3282, л. 280—281, 301, 305.

[23] Богословский М. М. Петр I. М., 1940. Т. 1. С. 64.

[24] Феодози Д. Житие и славные дела Петра I. Ч. 1. Венеция, 1772. С. 187.

[25] Г. Ф. М. (Миллер). Известие о начале Преображенского и Семеновских полков//Опыт трудов Вольного российского собрания при Имп. Московском университете. Ч. 4. М., 1778. С. 126.

[26] Coke W. Reite durch Polen, Russland, Sweden und Dänemark. Zürich, 1785. Т. 1. S. 384.

[27] Scheltema Jac. Russland en de Nigerlanden. Amst., 1817. Т. 2. S. 55.

[28] Вольтер. История царствования императора Петра Великого. М., 1810. Ч. 1. Кн. 2. С. 8.

[29] Бергман В. История Петра Великого. Спб., 1833. Т. 1. С. 160.

[30] Полевой Н. История Петра Великого. Спб., 1843. Ч. 1. С. 137—138.

[31] Географическо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1865. Т. 11. С. 312.

[32] Катифор Антоний. Житие Петра Великого. М., 1788.

[33] Георги И. И. Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Спб., 1794. С. 149—150.

[34] Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... С. 26.

[35] Scheltema... С. 55—56.

[36] Спб. ведомости. 1836. № 154. 10 июля; Северная пчела. 1836. № 154. 9 июля.

[37] Висковатов А. Дед русского флота. Спб., 1847. С. 9.

[38] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. Т. 14. С. 448.

[39] Морской сборник. 1872. № 10. С. 114.

[40] Кронштадтский вестник. 1873. № 4—5. 10(22) янв. С. 13—16.

[41] Веселаго Ф. Ф. Сведения о ботике... С. 26.

[42] Лебедев Л. Жизнь Петра Великого, составленная по Устрялову, Соловьеву, Костомарову, Брикнеру и др. Спб., 1890. С. 52—53.

[43] Энциклопедический словарь/ Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. IV а, Спб.: изд. Ф. А. Брокгауз и Е. А. Ефрон, 1891. С. 498.

[44] Ботик Петра Великого «Дедушка русского флота». Спб., 1903. С. 7 (анонимный автор).

[45] Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом// Приложение к 68-му тому Записок Имп. Академии наук № 6. Спб., 1891. С. 76.

[46] Валишевский К. Петр Великий: По новым документам. М., 1909. С. 43.

[47] Платонов С. Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926. С. 43.

[48] Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949. С. 103—104.

[49] Сборник Русского исторического общества. 1885. Т. 49. С. 345—350.

[50] Ларионов А. Л. Ботик Петра I// Судостроение в СССР. 1976. № 7. С. 60.

[51] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1853. Т. 5. С. 211—270.

[52] Тушин Ю. О судьбе корабля «Орел»// Военно-исторический журнал. 1973. № 9. С. 119—120.

[53] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Спб., 1862. Т. 8. С. 250, 252.

[54] Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 25. С. 40—41.

[55] Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 3. С. 1—128.

[56] ЦГИА (Л), ф. 1284, оп. 241, ед. хр. 37, л. 117—118.

[57] Русские ведомости. 1872. № 124.

[58] Владимирские губернские ведомости. 1872. № 30. 28 июля.

[59] ЦГА ВМФ СССР, ф. 234, оп. 1, ед. хр. 21, л. 43 а.

[60] Владимирские губернские ведомости. 1872. № 31. 4 авг.

[61] Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого (1672—1725). Спб., 1872. С. 185—186.

[62] А. Слезскинский. Из Новгорода до Петербурга водою: (Путевые заметки)// Русское судоходство. 1886. Январь. № 166. С. 49—80.